

Воспоминания бывшего партизана отряда «Южный»

1941 год, июль месяц, я [Константин Петрович Лозин] директор Можайской машино-тракторной станции.

18 июля. Недавно бомбили Можайск, несколько бомб сброшено по центру города, по ж/д вокзалу. В городе бомбовая воронка против электростанции, немец целил в нее, не попал. Еще одна бомба угодила в угол дома, что да ул. Желябова, целил в помещение литейно-технического узла (ЛТУ), не попал, в доме пострадала старуха. Третья воронка на этой улице посредине, очевидно, целил в жилой дом, не попал, жертв нет. Еще воронка рядом с помещением городской милиции, целил в здание милиции, не попал, но один милиционер ранен. Затем взрывы в районе железнодорожного вокзала, в помещение вокзала не попал, угодил в паровоз.

Вот она война, пришла уже и к нам в Можайск. Городские обыватели паникуют, на ночь выезжают из города по окрестным деревням. Радио передает нерадостные вести. Наши войска отступают. Я исполняю военные обязанности начальника приемно-сдаточного пункта РВК по автотранспорту, у меня 40 человек команды: шоферы, слесаря, охрана и полный состав приемно-сдаточной комиссии.

20 июля. Каждую ночь немцы летят через город бомбить Москву. Ночи короткие. И в эти короткие ночи люди не спят, небо бороздят прожекторы, зенитки содрогают воздух, по ночному небу множество причудливых линий – следов от трассирующих пуль: ровные и с провисанием, вертикальные и горизонтальные.

Моя команда поддерживает дисциплину. Каким должен быть я? Я же обязан не паниковать, каждый из моих людей, глядя на меня, должен быть подтянутым вдохновленным, не показать и вида трусости, а у меня, как я сам вижу, героизма или необходимой смелости нет. Я по сигналу «Воздушная

тревога» отдаю приказ «Всем в убежище!» и отправляюсь туда сам, хотя я иду последним, но в душе рад, что иду. Наверно, трус я. Конечно, очень много зависит от того, кто меня окружает. Например, райвоенком Шурыгин, он говорит спокойно: «Ну как тов. Лозин, провели ночь? Все ли в порядке? Нет ли дезертиров?», и, увидев мою выправку, остался доволен. Он внушает спокойствие, говорит спокойно, что самое пагубное дело – это паника; что немцы не сверхвеликаны и что победное их шествие дело временное, оно не признак того, что их нельзя бить, надо только быть твердым духом.

Хороший у нас райвоенком. Как бы мне хотелось хоть в какой то небольшой доле быть похожим на него.

Но вот на мой пункт чуть свет прибежала уборщица Вера, что убирает наши помещения, прибежала и с трясущимся с перепугу языком сообщила, что рядом где-то в кювете лежит немецкий парашютист и что их за ночь, наверное, много сбросили по всей округе. Своими охами и ахами, причитаниями о том, что к нам пришел немец – ошеломила меня. Я испугался. Моя охранная команда ждет приказаний. Был бы рядом со мной Шурыгин, я бы наверно, приказал обыскать кюветы и сам бы пошел впереди, но нет Шурыгина, а есть мой помощник механик Новиков. Он говорит: «Ну вот и крышка нам всем, у них ведь автоматы, сунься к ним». Говорит и заметно трясется, охранники мои в нерешительности, Я скорее на телефон; звоню в горком партии, секретарь горкома Скачков на мою тревогу говорит, что, может, я испугался, что надо докладывать вразумительно и более спокойно.

Да, но мне страшно, что же это за сила, что же это за люди клятые, немцы, смертники они все, что ли, ведь фронт от нас далеко, где-то за Вязьмой, а они уже здесь у меня в округе по кюветам.

Прибывший отряд истребителей во главе со Скачковым обшарил всю округу и не найдя немцев уехали, а мне вразумительно посоветовали в следующий раз не паниковать. Какая досада.

4 августа. Без конца каждый день летят немецкие самолеты бомбить Москву, если бы удалось посчитать их, вероятно, насчитаешь ни одну тысячу, если подумать, что они не в пустую летают, что их там в Москве встречают русской дубинкой и они удачно бомбят, то, боже праведный, что же теперь от Москвы осталось? Грохочут Можайские зенитки без отдыха. От бессонницы кружится голова. Это тревожное завывание сирен, повторяющееся по несколько раз каждые сутки, и этот, Былкина Василия Владимировича, начальника МПВО, голос – «Воздушная тревога» – вызывает дрожь по телу.

Недавно провели пленных немцев по можайской городской площади. Люди бегут к площади со всех сторон посмотреть зверей в людском образе. Я тоже прибежал, с затаенным дыханием, я старался запомнить их. Я хотел найти ответы на вопросы: Что же это за люди? Какие они? Почему перед ними не устояло несколько европейских государств? Что это за сила, от которой пятятся наши войска? Ведь по ходу дела чувствует сердце, что и в Можайск они придут.

И вот они идут, ноги их несут не нормальные человеческие лица, а надменные хари, они, победно выставив грудь вперед, трясут белыми губами, вразвалку медленно переставляют ноги, важничают, смеются, исключительно молодежь, юнцы. И никакие они не великаны, обыкновенные люди, но надменны, крепко убеждены, что непобедимы, презирают нас.

От этого зрелища у меня накрепко осталось впечатление в том, что их надменность – дело напускное и, как я решил, не важное, гораздо важнее тот факт, что они пленные, значит, их можно тоже бить и пленить, значит, выходит так, что они герои против трусов, а на героя сами трусы. И еще мною овладели вопросы, на которые я не нашел ответов.

В чем же все-таки дело? Каким секретом владеет Гитлер, что имеет таких солдат? Почему он самоуверенно кричит, что скоро будет в Москве? Почему он покоряет одно за другим европейские государства и намеривается владычествовать над всем миром? На эти «почему» я ответа не нашел, зато

один вывод твердо остался в моей душе – бить надо немцев, бить непрерывно, бить чем попадя, как только можно – и в лоб, и из-за угла и таким образом сбить с них спесь.

Наша партия призывает всех советских людей, которые оказались на захваченной немцами территории, идти в партизаны, бить немцев в их тылу, сделать так, чтобы земля под ними горела. Это очень правильно, для этого надо быть более смелым, отважным. А я? ... Конечно, я знаю, что на смоленщине есть партизаны и что они там нещадно бьют немцев. Надо же и мне быть посмелее...

13 августа. На днях в город приезжал какой-то дядя, он вызвал много людей в РВК, беседовал с каждым по одному. Меня он расспрашивал: не владею ли я каким-нибудь иностранным языком? Что умею делать. Какова семья и множество других подробностей. На мои вопросы: «Для чего он это делает?» Ответил уклончиво и сказал, что не исключено, что потребуется защищать свой город и что к этому надо быть готовым.

Другие товарищи, бывшие на таких беседах, говорят, что готовится партизанская сила. Шурыгин говорит, что не знает целей таких бесед, но что этот дядя – работник областного военкомата, и на вопрос: «Правда ли, что готовятся партизаны?» – ответил, что толком не знает, но всякое может случиться.

Команда моя растаяла, осталось 12 человек, все уходят на фронт. Попросился и я на фронт, военком сказал, что «я ему здесь понравился», а один на один доверительно добавил, что у него есть особое указание меня держать здесь, в РВК. Начинаю догадываться – мне суждено быть партизаном.

Чудовищно ужасное дело – паника. Крепкими, закаленными нервами надо обладать, чтобы не поддаться панике. Ночью был густой туман. Над городом немцы летят бомбить Москву, зенитки грохочут всю ночь. Один из моей команды, возвращаясь со своего поста в убежище, сообщил мне, что в

полукилометре от нас скопилось 50 человек немецких парашютистов и что они очень медленно, развернутым строем бесшумно движутся на нас. В первое мгновение – не поддаться панике на глазах у Шурыгина, спокойно, Лозин, не волнуйся, разберись. Я схватил за воротник этого охранника, увлек его за собой вон из убежища, чтобы ни слышали другие, строго потребовал успокоиться и показать мне, где немцы? Трясаясь, охранник указал рукой в направлении немцев и, категорически отказавшись вести меня к ним, шмыгнул в убежище, что-то вскрикнул там, и все разом умолкло, все застыли на своих местах, молчаливо отдались во власть неотвратимой судьбы. Кровь во мне застыла.

На ощупь я направился по указанному охранником направлению и сквозь туманную предрассветную мглу еле-еле различил несколько силуэтов стоящих рядом. Коленки мои подкосились, сердце сильно забилося. Я остро почувствовал необходимость посоветоваться с кем-либо, как быть дальше? Вернулся в убежище, попросил своего помощника Новикова быстро выйти из убежища, а он и не шевельнулся и громко при всех сказал: «Чего уж там ... Садись и жди»... «Как так жди?!» – воскликнул я, – «Немцы рядом!». И мне довелось услышать такое, что я одеревенел. Новиков меня «успокоил»: – «Не бойся, мы не выдадим того, что ты коммунист». Я с быстротою молнии выскочил из убежища, направился к силуэтам, пистолет прижал к груди, сердце вот-вот выскочит из меня. Вся душа прожжена этим самым – «Мы тебя не выдадим».

Припал ухом к земле в надежде услышать топот парашютистов, но мучительное «как быть?» остается без ответа. Товарищей нет, оружия нет, а в убежище живые мертвецы ждут плена с готовностью не выдать меня. Когда чуть-чуть рассвело, я на фоне неба отчетливо различил столбы изгороди с колючей проволокой вокруг нефтебазы, эти столбы и принял за немцев паникер-охранник.

Долго я не возвращался в убежище, во рту у меня пересохло, мой помощник перед глазами – «Мы тебя не выдадим».

Нет, что ни говори, а трудно быть партизаном. В партизаны нужны люди с крепкими нервами, и обязательно без Новиковых. Конечно, потом все смеялись над охранником, смеялся и мой помощник Новиков, а я... Я не найду ответа себе, почему так вел он себя? Мне хотелось расстрелять его сейчас же, скорей, но стыд удержал меня, а расстрелять нельзя. Какую же группу людей следует подбирать для партизан? Какими они должны быть? Самое главное, как я теперь считаю, надо сделать так, чтобы не пропустить в число партизан таких людей, как мой помощник?

19 августа. Один человек в форме офицера, один из тех, кто безбожно бежит с фронта, я бы сказал, не бежит, а драпает (а фронт уже недалеко), явился на мой пункт с приказом от Шурыгина – занарядить ему автомашину, исправную, на полном ходу, с опытным водителем, с запасом бензина и хорошей резины. Я отдал необходимые приказания – подготовить все, что требуется по приказу Шурыгина, и пока будут готовить, пригласил этого человека в буфет закусить и подкрепиться спиртным.

И вот что рассказал этот человек, сидя в буфете, в присутствии моих людей: «О, ужас, как немцы нас бьют под Смоленском, все горит, все наши бегут, я сам был вынужден бросить на ж/д путях три состава с продовольствием, запчастями, автоматами, людьми. Все горит, все бегут, а немец бьет, аж вагоны как спичечные коробки, взлетают вверх. Я еле-еле добрался до Можайска, и вот наш райвоенком дает мне автомашину, мне срочно надо добраться до Москвы, чтобы рассказать там кому следует о случившемся». Мне стало не по себе. Ну зачем он так смакует свой рассказ? Возможно, наши оказались в тяжелом положении под Смоленском, как бы повел себя Шурыгин, окажись на его месте? Ведь как я за последнее время все более начинаю понимать – надо не только сдерживать свои нервы, но и не расстраивать их другим людям. Видно, это еще один Новиков. Какой же цели достиг рассказчик? Мои люди с бледными лицами скорбно выслушивают его. Что они думают? Неужели о том, что наше положение пропащее?

Первый раз за время с начала войны во мне родилось желание напортить этому человеку. Я на телефон Шурыгина: «Так и так, мол, у меня на пункте паникер с Вашим приказом», но Шурыгин ответил, что он связывался с Москвой и оттуда сообщили, что знают этого человека и что ему необходимо помочь. Тогда я отправился в мастерскую, приказал спрятать новую резину, убрать запасное горючее и автотор, удалил водителей и, вернувшись, доложил «пострадавшему», что при всем моем желании я не в состоянии исполнить приказание Шурыгина, так как, бензина имеется всего лишь на полбака, резины нет, и водители остались малоопытные. На меня посыпались оскорбления, угрозы, этот человек кричал на меня, что за такое нас надо всех расстреливать, так как мы де срываем важное военное мероприятие; сам сел на то, что ему дали, уехал пообещавши, что он там в Москве обязательно добьется того, что бы нас всех отдали под суд или отправили на фронт. Тыловые крысы.

Удивительно то, что я так быстро принял решение, хорошо то, что я почувствовал какое-то удовлетворение, и примечательно то, что во мне и не шевельнулось никакого чувства относительно того, что сорвал какое-то военное мероприятие. Моя команда повеселела, молодец тов. Лозин, хорошо ты его угостил, этого паникера. Шурыгин похвалил, когда я ему признался.

Сукин сын, а еще офицер. Вот он мой второй злополучный охранник. Вот он Новиков – «Мы тебя не выдадим». Когда убежал от немцев, теперь осмелел, готов расстреливать тех, кто не делает так, как ему хотелось бы. Это легче, чем убивать или расстреливать немцев. <...> Чудовищно, когда человек паникует. Константин Петрович, крепись, из тебя должен получиться партизан.

3 сентября. Немцы прекратили свои еженочные полеты через Можайск на Москву. Стали появляться над городом или стороной большими стаями, летят среди бела дня, летят низко, гуляют в советском небе безнаказанно.

Через город проходят воинские части, прибывшие эшелоном по дороге

и походными колоннами. Родина шлет подкрепления на фронт, а он все ближе к Можайску, а радио передает нерадостные вести.

Каждый день не покидает щемящее чувство от сознания того, что враг идет неудержимо. Как обидно, что у нас вдруг не стало чем защитить свои войска от вражеской авиации. Нередко в небе происходят схватки наших с немцами, и почти всегда на наших нападают в три, пять раз превосходящие силы вражеских самолетов. Где же наши истребители?

Осень установилась солнечная, дороги сухие, по ним угоняют колхозный скот в эвакуацию, едут и идут беженцы из западных районов. На моем пункте все чаще появляются автомашины с пулевыми пробоинами с фронта, он где-то недалеко.

Скачков часто собирает в горькие партии актив коммунистов, призывает повысить бдительность, быть готовыми ко всяким случайностям. Пытаюсь представить себе партизанскую деятельность в тылу врага. Иногда рисуешь себе удачные картинки, как мы налетаем на врага и либо уничтожаем его, либо обращаемся в бегство. Ничего не ясно, никто ничего не может рассказать подробно. Приходится удовлетворяться тем, что сообщает «Совинформбюро» или короткими статьями из газет. А надо, ой как надо опытного волевого вожака-партизана. Но нет такого. Потихоньку между собой поговариваем, что командиром партизанского отряда будет Скачков Иван Михайлович, наш первый секретарь городского комитета партии.

Конечно, нечего и думать, что бы мы в тылу врага организовали мощный огневой заслон и задержали бы немцев, не пустили бы их к Москве. Но уверенность в том, что об этом без нас подумает партия, что она там, где-то в Москве или за ее пределами, обязательно организует этот огневой заслон и что наша обязанность временно помогать Красной Армии, помогать нашим людям, которые окажутся на захваченной врагом территории, быть среди них живыми представителями советской власти – это большая и благородная работа, и осознание всего этого – вдохновляет.

Противно слушать, когда кто-либо из собеседников, будь то военный

или гражданский, иронически говорит: «Куда вы лезете? Что вы можете сделать? Эна... какая силища откатывается, а вы?» Из этого заключения выходит, что эти люди либо ошеломлены или перепуганы и в силу этого не в состоянии понять, разобраться в обстановке. Почему они думают, что все уже потеряно безвозвратно? Несколько раз я прочитал Толстого «Война и мир». Не раз мысленно представлял себя рядом с Кутузовым, видел бесчисленные толпы французов, которые мнут, теснят русских, а он, Кутузов, сидит в деревне Горки и не думает, что все пропало. Почему он так не думает? Неужели он не видит, что не одолеет французов? В том-то вся и суть, что он об этом не думает, а, видя героизм своих солдат, уверен в том, что не может того быть, чтоб французы одолели, пусть сомнут, потеснят, пусть временно выиграют, но не одолеют. Он верил в способность русского народа. А что было бы, если бы и впрямь поверил бы трусам, нытикам и маловерам, поверил бы в то, что его дело пропащее, тогда он бросил бы руководить войсками как безнадежным и обреченным делом и тем погубил бы свою русскую Родину. Так и теперь, с партизанской деятельностью. Послушать нытиков и паникеров и бросить все дело как безнадежное и тем загубить свое социалистическое отечество. Понимают ли люди, о чем они говорят? Каким же тогда примером и образцом является наш секретарь Скачков? Он физический калека, у него нет одной руки – таких на военную службу не берут, ему легче, чем кому другому избавиться от военной работы, но для этого ему надо поверить в безнадежность того дела, которому он служит, а он не верит, он поступает, как Кутузов. Вот ему и надо подражать, ему и надо верить. Ваня Безруков, мой агроном, он поразил меня своей убежденностью, своим умом. Он с виду невзрачный, мал ростом, худ, молчалив. Я с ним проработал вместе более 4 лет и не подозревал в нем того, что сегодня услышал. Он говорит: «Верь мне, Константин Петрович, дело нашей партии святое дело, и никак не может быть того, чтобы враг нас одолел. Идем в партизаны, мы выиграем, чего бы нам ни каркали маловеры». Ну откуда у него такое? Так со мной даже Шурыгин не разговаривал. Ай да Ваня-

Ванюша, побольше бы таких людей вокруг меня было.

10 сентября. Дела на моем пункте изменились, почти весь автотранспорт из народного хозяйства Можайского района взят на нужды армии, теперь мы ремонтируем автотранспорт, поступающий с фронта, подбитый, израненный.

Хоть и тяжело нашей армии, но чувствуется, как она сдерживает врага. Он хотел молниеносно проскочить в Москву, не вышло. Вот уже скоро три месяца, а он где-то у Вязьмы. Он хотел развалить Москву, с воздуха, неустанно трудился более 60 дней и ночей, а она, Москва, стоит как стояла, а несколько поврежденных зданий почти не заметно, а москвичи трудятся как трудились, обеспечивают все для фронта, все для победы. Вот выходит, что силен наш народ, действительно непобедим. Мы часто собираемся для бесед о предстоящей партизанской работе – я, Семенов, мой старший механик, Лаврентьев, механик МТС. Это хорошие ребята, оба они моложе меня, они считают меня опытнее и просят рассказывать им, но у меня только одно преимущество перед ними, это то, что годами постарше их лет на десять, что же касается партизанской работы, то мы все одинаковы, ни у кого из нас нет такого опыта. Меня радует тот факт, что оба они, и Николай, и Никанор, вполне сознательно и охотно изъявили согласие идти со мной в тыл врага.

Вот они наши, советские люди, искренние, преданные своей Родине. Это не маловеры и нытики, с ними да с Ваней Безруковым не пропадешь? Надо еще кое с кем побеседовать, хорошенько потолковать и подобрать хорошую группу человек 15–20. Интересно знать бы, какое количество людей намеревается Скачков собрать для партизанской борьбы? Но это – тайна строгая. Об этом нет смысла и спрашивать. Тайной является также и место дислокации отряда. Ну и не беда, что это не известно, вероятно, отряд будет насчитывать не менее 300 человек, если у нас будет достаточно оружия и хорошие командиры, то такой силой можно будет немало сделать. Надо думать, что и соседние районы Уваровский, Верейский, Рузский организуют

свои партизанские отряды, и если их будет также по 300 человек, и если все отряды будут объединены, так это же внушительная будет военная сила! Вот только не известно, как будет решен вопрос с артиллерией, транспортом. Поэтому уже сейчас надо бы подработать план организации таких служб.

14 сентября. Все грустнее и грустнее становится от сознания того, что немцы дойдут до Можайска. Фронт подбирается к Можайску. Здесь на Можайской земле есть Бородино. У нашего народа остро в памяти наполеоновское нашествие, надо полагать, что здесь, в Можайске, разыграется грандиозная битва, что наше командование примет все меры, чтобы не пустить врага дальше к Москве, что потомки наши этого требуют, и, пожалуй, Ваня-агроном будет прав в том, что бегство немцев начнется отсюда, от Бородина. Хорошо и правильно ведут себя наш горком партии, райисполком, колхозники. В такой тяжелой тревожной обстановке они энергично заканчивают уборку урожая и выполняют свои обязательства перед государством по сдаче хлеба, мяса и других сельхозпродуктов. Рядом фронт, а здесь никакой паники, твердая уверенность в правоте и непобедимости своего дела. Велика сила и организованность нашего государства. В этом залог того, что мы одолеем немцев. Хотя я и занят военной службой в РВК, но Скачков вызывает либо на бюро горкома, либо на актив и требует докладывать: как идет обмолот зерна, уборка овощей, подготовка к зиме.

27 сентября. Подходят праздники: 24-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции. Вспоминаем, как торжественно и радостно мы всегда ежегодно готовились, встречали и провожали этот праздник.

Кто мог подумать, что эта годовщина пройдет в условиях борьбы нашего народа с ненавистным врагом, что нам придется насмерть встать на защиту Родины. На нас напал жестокий коварный враг – фашизм. Это такой враг, которого народы еще не знали. Над нашей Родиной нависла угроза

порабощения людей, их физического уничтожения.

Сознавая это, удивляешься, как это находятся у нас люди, не понимающие всей серьезности положения, беспечные, легкомысленные.

На днях мне довелось проводить собрание членов колхоза «Новая деревня». Там нашлись люди, сумевшие сбить колхозников с толку, сагитировать их, чтобы те не угоняли общественный скот в эвакуацию, не подчинялись местным властям. На собрании были такие выкрики: «Что ты нас пугаешь немцами, они колхозников не трогают. Не погоним коров, они нам самим здесь нужны».

Чтобы сломить сопротивление, требовалось применить силу, но как можно применять силу против своих же колхозников? Вот где мы в свое время не доработали, проглядели вражескую деятельность, а сейчас враг замаскировался, его не сразу найдешь. Конечно, надо расстреливать врагов немедленно, но... не колхозников же.

Вот и смотри, Константин Петрович, изучай положение, возможно будешь находиться среди этих людей со своими товарищами-партизанами, так не наделай ошибок. О, как мне не достает опыта и умения различать среди этих людей друзей и врагов. Когда я услышал эти выкрики, моя рука потянулась к кобуре... Но этого нельзя. Как я все-таки должен в таком случае поступить? Что еще доведется услышать и увидеть, когда будешь в тылу врага?..

По дорогам на запад идут и идут свежие войска, а на Москву идут и едут люди, повозки, скот, автомашины. День и ночь не прекращается движение. Погода стоит хорошая. На моем пункте работа подходит к концу, приемно-сдаточная комиссия перестала существовать, охранная команда резко уменьшилась, водительский состав из резерва ушел. Все уходят на фронт. Фронт неумолимо движется все ближе и ближе к Можайску.

По нашему району идет строительство противотанковых рвов, работают десятки тысяч людей, больше женщины. Особо заметны интенсивные работы в районах, что от Ширино на северо-запад. Около

Сокольниково глубокий, длинный ров, без мостков и лестниц, не переехать его, не перейти.

По всему заметно намерение остановить здесь немцев, не пустить их далее к Москве. Надо думать, что будет ожесточенная битва.

Директор Сокольниковской МТС Сергей Клаутов рассказывает, что настроение колхозников, где он побывал, хорошее. Люди не верят тому, чтобы немцы могли к ним подойти. Особенно в колхозах Губино, Дурнево, Цезарево, Кутлово, Сокольниково, где Сергей чаще бывал. Там хорошо управляются с колхозработами с и выполнением государственных поставок. Интересно бы знать, где мне доведется партизанить, среди каких колхозов? И будем ли с Клаутовым вместе?..

14 октября. Ну вот и дождался я. Последние дни мы все, будущие партизаны, собраны в горкоме партии. Живем по-казарменному, готовы пойти в лес по приказу. Позавчера я простился с Шурыгиным, он меня обнял, сказал несколько напутственных слов, подарил мне на память револьвер «Наган». «Надеюсь, – говорил он, – и верю, что ты оправдаешь доверие тех, кто тебя благословил на партизанщину».

Кончилась моя служба в РВК, кончилась моя деятельность в МТС. Прощай военкомат, прощай МТС. Со мною мои механики: Семенов Николай, Лаврентьев Никанор, Козырев Андрей. Чувствуется, вот-вот начнется немецкое вторжение в наш район с западной стороны, где-то из-за Бородина. Оттуда слышна артиллерийская канонада. Горит наша Можайская нефтебаза. Тяжело...

Заведующий военным отделом горкома партии Филимонов построил нас в помещении горкома и раздал винтовки. Он и секретарь Горкома Донцов произнесли речи, в которых призывали не отдать этого оружия врагу, драться до последнего и суметь умереть достойно. Мне показались никчемными все эти слова. Умереть! Ну для чего это, для какой цели такие речи?! И без того нервы до предела натянуты. Не понравилось мне такое, что-то похоже на

неискренность обоих. То ли они перепуганы, то ли в самом деле желают нам смерти, ну а себе они чего желают?..

Совсем иное дело Скачков, последние три дня он не спит, живет с нами в горкоме, руководит и эвакуацией, и подготовкой обороны, и партизанами, тяжело ему, но он бодр, спокоен и умирать нас не приглашает.

Мне быть в отряде «Сурового», его дислокация в районе Сокольниковской МТС, командиром отряда назначен Савостьянов Александр Иванович, комиссаром – Зайцев Федор Иванович, в отряде будет около 40 человек. Скачков будет находиться в другом отряде, в районе населенного пункта Красный стан и будет руководить обоими отрядами. В этом «Северном» отряде будет около 100 человек. Ночью поступили сведения: где-то в районе уже появились немцы, дана команда «По местам, идти к своему сборному пункту открыто».

Вместе с Ваней Безруковым вышли из горкома, чуть стало светать. Прощай Можайск, прощай горком. В лес к пункту сбора пришли рано, там уже несколько человек поджидали остальных. К 11 час. собралось нас без малого все. Двинулись по направлению к Сокольниково. В лесу, что между населенных пунктов Елево – Ваулино, провели короткое совещание. Приняли партизанскую присягу, сдали партийные билеты комиссару Зайцеву и направились дальше.

Началась партизанская жизнь. Идем гуськом, тихо по опушке леса, не шумим. Здесь и прокурор Карягин, и судья Михайлов и зав. роно Дмитриев, зав. райзо Варакин, директор Сокольниковской МТС Клаутов, директор Колычевской фабрики Ленников со своими ребятами, среди которых маленький юнец Петя Шавня, и многие другие товарищи. Идем, а навстречу идут группами окруженцы, они идут на Москву, говорят – вырвались из окружения, идем из-под Вязьмы. Одежда и обувь на них изношены, никакого воинского вида, некоторые подпоясаны веревками, без оружия. Беглецы, трусы. Ну и пусть их идут...

17 октября. Ночь коротали на территории Сокольниковской МТС. Здесь к нам прибавилось людей: партизан Антипов из Марьино, Виноградов из Юрлова и две девушки из Сокольниково – Фрося и Валя. За ночь из отряда исчезли старший землеустроитель Белоусов и механик Можайской МТС Козырев. Их надо изловить и расстрелять, и выпади такой жребий на меня, я сделал бы это с удовольствием, потому что хватит с меня этих Новиковых. Сейчас не до шуток. Мой механик Лаврентьев был послан в Борисово для разведки, возвратившись, он рассказал жуткую Борисовскую правду, леденящую наши души. Там немцы расстреляли все мужское население от 14 до 70 лет. Три дня не разрешали подойти к полутрупам, а потом целую неделю не давали убрать трупы. Погиб мой механик по тракторам Перфильев со своим 14-летним сыном, погиб один из старейших почтальонов 70-летний Митрич.

Вчера и позавчера ночи коротали в д. Пеньгово. Иван Иванович Сахаров из Старого Села и пеньговский коммунист Кочетов кормили нас картошкой и поили кипятком. Не могу понять, почему наше командование согласилось с тем, что эти два коммуниста не ушли с нами, этак и до греха не далеко. Это легкомыслие. Вопрос сейчас ведь так поставлен историей: либо с нами, либо против нас – середины быть не может. Немцы заставят их разглагольствовать, заставят выдать нас. Либо Савостьянов ни понимает, что делает, либо Зайцев по своей молодости не может догадаться об опасности для отряда, могущей возникнуть из того факта, что два коммуниста остаются дома в ожидании прихода немцев.

Нашу базу решено организовать в районе, что против деревни Живлево, в высоком густом лесу. Это если идти от Байлино на Сокольниково, то будет правее от Елево.

20 октября. Вырыли землянку, несем разведслужбу, заготавливаем продукты, обживаем землянку. А по дороге, что на Можайск, идут и идут группы и даже толпы окруженцев. Куда они идут? Ведь в Можайске немцы.

Командир Савостьянов говорит: «Пусть себе идут, нам трусы не нужны».

25 октября. Каждый день партизаны уходят по деревням, проводят с колхозниками беседы, вдохновляют их, вселяют надежды, своим присутствием как бы свидетельствуют тот факт, что Советская власть не погибла, что вот мы – живые ее представители. Все мы призываем колхозников прятать продукты, не давать немцам ничего. Позавчера мы с Подсекальниковым Васей были в Сокольниково, колхозники нам обрадовались. Немцы часто посещают это селение, занимаются грабежом, стреляют курей, требуют яиц. А сегодня мы с Константином Глазковым, будучи в разведке, увидели движение немецких войск из Сокольниково на Ваулино. Залегли вблизи дороги и начали наблюдать. Идут небольшая пехотная часть с конной тягой. Вот мне и довелось еще раз увидеть живых немцев. Они идет скученно, не поддерживают строя, солдаты разных возрастов, при этом немало пожилых, одеты в зеленые шинели, плащи, обуты в обмотки. Одни на ходу садятся в повозки, другие соскакивают с повозок. Идут молча, озираются по сторонам, а налево и направо густой высокий лес, это, вероятно, и угнетает их.

У моего Глазкова тревога в глазах – очень близко, а у меня, хоть и не отличаюсь смелостью, на душе спокойно и даже что-то дерзновенное от этого зрелища. Когда я видел немцев первый раз там, в Можайске, те были надменные юнцы-танкисты, а эти – изнуренные пехотинцы, безразличные. Видно, Гитлер основательно наскребывает свою армию, из всяких немцев, а не только из молодых, одурманенных. Эх, была бы силенка; да вдарить бы сейчас оглушительно, вот было бы дело, вот было бы доказательство того, что немцы умеют убегать. Но нет этой силы, а есть приказ открыто за ними наблюдать, определить их силы и доложить своему командованию.

Что там ни говори, но сегодняшнее зрелище не вызывает во мне мысли, что это и есть то, что Гитлер называет непобедимой армией. Побегут немцы, как оглушенные, домой, как только наши ударят по ним как следует.

27 октября. В очередной разведке в деревне Кутлово наши встретили колхозника Прохорова, были у него в доме. Жена Прохорова угостила нас чаем. В этом доме провели беседу с пришедшими колхозниками, и надо было видеть, с каким волнением колхозники слушали наших, какая радость овладела ими от сознания того, что Советская власть жива, рядом она, вот ее люди, героические люди, которые в годину тяжелых испытаний, рискуя своей жизнью, не забыли колхозников, пришли к ним.

Колхозники приносили и давали партизанам хлеб, мясо, лук. Сам Прохоров говорит, что Советская власть – это наша родная власть, и хоть опасно для моей жизни то, что в моем доме партизаны, но я готов и впредь предоставлять свой дом для таких же встреч.

Какие же золотые люди есть у нас! Когда мы освободим свой район, надо сделать так, чтобы Прохоровых знали все.

Все более и более убеждаюсь в том, что наша работа по поддержанию духа уверенности в сердцах колхозников во много раз сильнее и значимее того, как если бы мы убили нескольких немцев. Но немцев обязательно надо убивать, хоть по одному, по два, по три человека, но убивать всякий раз. А приходить к колхозникам надо беспрестанно, всюду, по всем деревням, и там, где нет немцев, и там, где они есть, под их носом проникать к нашим людям. И когда мы добьемся этого, тогда сами колхозники сделают то, что под ногами немцев действительно загорится земля.

У нас на базе уже появились трофеи: несколько сот метров немецкого телефонного кабеля, сожжено три моста через рвы и ручьи.

29 октября. Командованию отряда стало известно, что немцы везут оружие на повозке по дороге, что идет на Кобяково, застряли в грязи, оставили часовых и отправились за помощью. Более половины отряда устремилось к этому оружию. Часовых сняли без выстрела, кто из наших на это оказался способным, трудно сказать – из темноты не видел, но эту отвагу приписывают Клаутову и Глазкову. А в общем-то хорошо, что хоть по два

немца убивать, но обязательно. На повозке оказались новенькие винтовки со штыками, в одно мгновение эти винтовки оказались в наших руках, и – на свою базу. Трофеи наши увеличиваются. Кажется, взято 60 или 70 винтовок.

Председатель колхоза Широно Комаров и счетовод Осипова организовали в своем доме явку наших, встречу с колхозниками, место для бесед с ними, и что мне особо понравилось, так это то, что во время бесед он сам или члены его семьи несут дозорную службу, охраняя наших людей и своих колхозников от внезапного появления немцев. Они же, Комаров и Осипова, организовали снабжение нашего отряда мясом.

Вот еще – Прохоров № 2. Золотые наши люди, их много. Конечно, не обошлось без сволочей, в Ширине оказался таким, фамилию не помню, кажется Волков, ранее репрессирован нашей властью. Он бахвалился, что не законно делает Комаров, когда снабжает партизан мясом, мясо нам нужно, говорил он, и чуть ли собирался донести об этом немцем, но когда явившиеся в Широно немцы отняли у него собственную корову, а прибывшие в деревню наши партизаны по приказу Савостьянова побеседовали с ним, хорошенько предупредили его, он стал тише воды, ниже травы, и вроде даже стал помогать Комарову.

Зайцев, комиссар наш, он молод, до войны я редко с ним встречался, комсомолец, я намного старше его, и, может, поэтому между нами мало было общего. Но вот война, партизанщина, и он комиссар. Партийное руководство района и сам Скачков не ошиблись, назначив его комиссаром. Вот уже пятнадцать дней, как мы партизанам, и все симпатии партизан на стороне Зайцева. Он не многословен, смел, решителен, умен. Он каждый день готовит листики бумаги, огрызки карандашей и требует от нас писать конспекты бесед с колхозниками, и ежедневно присылает людей в колхозы, сам также уходит к ним на каждую ночь. Вот тебе и молодой человек, он хорошо понял свою задачу, в массовой работе с колхозниками он видит основной смысл нашей партизанской деятельности.

1 ноября. Примораживает. Без конца идут окруженцы. Куда они идут, несчастные? Наши партизаны дают им хлеба, махорки. Мы не раз предлагали своему командиру Савостьянову взять идущих в отряд, но он об этом и слушать не желает, он ошибочно убежден в том, что это трусы и дезертиры и что, если их взять – значит погубить отряд. Комиссар наш с ним мало согласен, Федя в душе чувствует, что командир ошибается, что не может того быть, чтобы все эти люди, идущие из окружения были трусы, что есть среди них и хорошие, и отважные, но... Комиссар умен, неплохо знает нрав Савостьянова, выдерживает субординацию. Когда возникает спор между ними, когда на голову командира сыплются вопросы и различные советы, комиссар поддерживает командира, но в беседе с ним я не раз заметил его одобрительные взгляды, когда доказывал ему целесообразность отбора из окруженцев наиболее отважных и взять их в свой отряд.

На днях в лесу, что юго-западнее Сокольниково, среди группы бредущих окруженцев нам показалось знакомое лицо, мы окликнули: «Тарасов! Ты ли это?». И вот перед нами Семен Тарасов, следователь по уголовным делам Можайской прокуратуры, он оброс рыжей щетиной, на голове белорусская потертая шапка, на плечах домотканый зипун, подпоясан веревкой, бледен, истощен. Он идет уже третью неделю из-под Ельни, где вырвался из немецкого окружения, их воинская часть героически сражалась за Ельню и попала в окружение. Он остался с нами без колебаний, комиссар одобрил, и командир согласился. [Далее текст утрачен.]